

XX $\frac{2}{13}$

С. С. С. Р.
В. А. ЛЕНИНА

30 дней

ГОРЬКИЙ

Тридцать Дней

1

1935

ОДИННАДЦАТЫЙ
ГОД ИЗДАНИЯ

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
Артем ВЕСЕЛЫЙ — Валериан Владимирович Куйбышев	7
Ив. КАТАЕВ — Бессмертие, рис. Ю. Пименова	10
Вас. ГРОССМАН — Товарищ Федор рис. Б. Иогансон . . .	15
Б. ЛАПИН. З. ХАЦРЕВИН — Кобдо	26
Вс. ЛЕБЕДЕВ — Детство и память Иллюстрации из альбома детских рисунков	30
С. УРНИС — У проспекта — Устрицы. — Памятник . . .	39
М. СКОРОХОДОВ — Девушка из золотого фонда. Мастер	44
<u>В. АФАНАСЬЕВ — На севере</u>	48
✓ Стивен КРЭН — Тщеславие, рис. Ю. Ганф	49
✓ <u>КИТАЙСКИЕ НАРОДНЫЕ РАССКАЗЫ</u>	60
✓ А. РОДЧЕНКО — Москва	62
✓ <u>Евг. ГАБРИЛОВИЧ — Огонь</u>	64
✓ Братья ЧЕХОВЫ — Комментарии Дерман	66
<u>Б. ЛУНЧИН — В вилюйской тюрьме</u>	71

30 дней

Евг. ВЕЙСМАН — О романтике и Чапаеве	74
М. ГУС — Литературные мечтания Пушкина	78
В. КА ТАНЯН — Дневник происшествия	82
В. СОЛЬ — Советский Гулливер	84
УДИВИТЕЛЬНАЯ ХРОНИКА — А. Каменогорский	89
Ю. КАЗАРНОВСКИЙ — Московские стихи	93

Обложка художника С. АДЛИВАНКИНА

МОСКОВСКИЕ АДРЕСА И ТЕЛЕФОНЫ:
РЕДАКЦИИ — ул. 25 Октября, 10/2, тел. 3-57-58
ИЗДАТЕЛЬСТВА — ул. 25 Октября, 10/2, тел. 5 50-25

ЦЕНА НОМЕРА в отдельной продаже — 1 р.

«ГОС. ИЗД-ВО «ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА»

Валериан Владимирович КУЙБЫШЕВ

ВОСПОМИНАНИЯ.

Осенью 1916 года самарская большевистская организация была разгромлена. Почти все лидеры ее были высланы «в места не столь отдаленные». Среди высланных был и В. В. Куйбышев. Этим самым реакция в лице жандармского полковника Познанского надеялась разгромить и терроризовать разрастающееся революционное движение в рабочей и солдатской массе. Но этого не случилось. Глубоки были потрясения и недовольство, вызванные войною. Неуловленные полицейскими сетями большевики с прежним упорством продолжали работу в массах.

Первые вести о революции, перевороте в Петрограде были получены в Самаре, как и всюду, — неожиданно.

Первый митинг собрался в театре «Олимп».

Незабываемое зрелище...

На трибуну один за другим поднимаются представители профсоюзов, фабрик и воинских частей с заявлением о присоединении к революции, об активной поддержке революции. Единодушно требование освободить политических заключенных, в места ссылки летят приветственные телеграммы. Собравшиеся, стоя, без шапок, сбиваясь, — слов многие еще не знают, — но с величайшим воодушевлением поют революционные гимны.

Весна семнадцатого года.

Из гиблых северных мест и из далеких сибирских палестин на крыльях радости несутся тысячи лучших, передовых борцов за революцию, освобожденных волею миллионов. Возвращается в Самару и тов. Куйбышев и сразу, как отважный пловец в волны, кидается в революционную работу.

А дела непочатый угол.

Именитое самарское купечество и разбогатевшие на военных поставках нувориши через рупор своей газеты «Волжский день» и либералы разных мастей, группирующиеся вокруг другой газеты «Волжское слово» — изо дня в день ведут разнузданную агитацию за продолжение войны до полной победы, за искоренение большевизма и проч.

Меньшевики и эсеры, со множеством оговорок, по всем основным вопросам поддерживали заклятых врагов революции.

Город был вздыблен политической борьбой.

Валериан Владимирович, как председатель совета, возглавлял эту борьбу. Бурные заседания совета всегда затягивались за полночь. Рабочий вопрос, помощь солдаткам и сиротам империалистической войны, конфликты с предпринимателями, налоги на буржуазию и т. п. По каждому из этих вопросов большевистская фракция совета давала бой политическим противникам и часто выигрывала этот бой. В начале апреля, по настоянию большевиков, совет принял постановление о введении на предприятиях восьмичасового рабочего дня. Через совет, через свою газету, через своих низовых агитаторов и пропагандистов партия большевиков влияла на массы, будила в них дух ярости и классовой ненависти к буржуазии и ее прихвостням — меньшевикам, эсерам, энесам и проч.

Тов. Куйбышев, большевик-ленинец, пламенный оратор и массовик.

Он рвался в казармы, на предприятия.

Впервые я услышал Валериана Владимировича на большом митинге, на Трубочном заводе, где он за несколько месяцев до февральского переворота работал у станка в 4-й или 5-й мастерской и откуда был взят охранкой.

Сперва выступали небезызвестные «киты» самарских меньшевиков и эсеров, Кабдан, Белов, Фортунатов, призывая к сотрудничеству с отечественной буржуазией, поддержке временного правительства, клеймя большевиков «немецкими шпионами», предателями и пр. Необходимо сказать, что за время войны на завод набилось немало лавочников и «крепких» мужичков, спасавшихся от мобилизации. Зашибая в тылу немалую денгу, они были не против того, чтобы война продолжалась. Потому-то, видимо, речи соглашательских златоустов и имели успех среди некоторой части рабочих.

Но вот выступил Валериан Владимирович.

Вначале он говорил с большой сдержанностью, с оттенком сарказма, обрисовывая предательскую работу оборонцев, их роль в военно-промышленных комитетах, государственной думе и т. д. Потом, все более и более разгораясь, он с вдохновением заговорил о грядущей победе пролетариата, о Ленине. Сверкающая ясность его призывов глубоко запала в сознание передовых рабочих — не случайно уже 17 июля на общегородском собрании рабочих в театре «Триумф» подавляющим большинством собрания было решено добиваться немедленного перехода всей власти в руки советов. Этим самым Самара выходила в первые ряды боевых провинциальных городов — Кронштадта, Царицына, Калуги, Саратова.

Митинги, собранья, заседания...

И днем и ночью — в казармах, на заводах, в кинотеатрах, на базарах, на площади у памятника — кипели споры, переливались толпы митингующих.

Тема одна — текущий момент.

Все спешили наговориться за долгие годы молчания — солдат, рабочий, крестьянин, домашняя прислуга, вдова-солдатка, солдатская мать.

Митинги явились первой политической школой, масса росла не по дням, а по часам, и приказчик, еще вчера лобызавшийся с хозяином по случаю свержения царя, нынче предъявлял ему требования о прибавке жалованья, о вежливом обращении, о сокращении рабочего дня.

На митингах масса забитого и темного люда ощупью выискивала пути классового размежевания.

В то время тов. Куйбышев был молод, неутомим, полон кипучей энергии. Впрочем, энергия не покидала его до последнего дня и часа жизни. Его можно было видеть тогда и на митинге в артиллерийских или Шаховских казармах; неутомимо он вел борьбу с политическими противниками всех цветов и оттенков в стенах совета; читал лекции и доклады для парт-

актива; писал руководящие статьи, всегда бурные и литературно безукоризненные; вплотную руководил работой парторганизации, кстати сказать, весьма немногочисленной по сравнению с организациями соглашателей, но крепко спаянной железной дисциплиной и ясностью стоящих перед ней задач.

Комитет большевиков ютился в двух убогих комнатках ресторана «Аквариум» на Самарской улице. Здесь же помещалась и редакция нашей газеты «Приволжская правда».

В газете чуть ли не из номера в номер печатались полные боевого задора статьи Валериана Владимировича, не всегда, помнится, подписанные его именем.

Это был человек чрезвычайно скромный и исключительно работоспособный, до конца преданный революции.

Мне запомнился следующий, хотя и незначительный, но чрезвычайно характерный эпизод.

Лето семнадцатого года. Горячка предвыборной кампании в городскую думу. Расклейка листовок, повсеместные митинги, подворная и поквартирная агитация. И день и ночь на главных улицах, у казарм, у ворот фабрик — летучие митинги.

В садике, что примыкал к «Аквариуму», Валериан Владимирович инструктирует нас, молодых агитаторов, отправляющихся со свежими листовками во все концы города. Потом его срочно вызывают на митинг на фабрику Зимина, где было довольно значительно влияние эсеров. Поздней ночью того же дня, возвращаясь из Самарской слободки, я вижу тов. Куйбышева у памятника — любимое место сборищ — он ораторствует в густой толпе. На него со всех сторон, как шавки на слона, наскакивают оппоненты. Он мужественно отбивается одновременно от нескольких противников. Короткая летняя ночь тает. Брезжит рассвет, лица спорщиков зелены от утомления. Понемногу расходятся. Наконец осталась небольшая группа, окружившая какого-то тщедушного вида господина. Все красноречие противников разбивается о его упорство. В группу вмешивается, сутулясь, охрипший от множества речей Валериан Владимирович, в два счета он кладет на лопатки поборника «войны до конца» и только после этого уходит с поля битвы — в лихорадочно горящих от бессонной ночи глазах его горит улыбка торжества.

Артем Веселый